

Stanovská, Milena

[Адамец, Пржемысл [i.e. Пршемысл]. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1985, vol. 34, iss. A33, pp. 158-160

ISSN 0068-2705

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101346>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

субституции приставки различными лексическими средствами. Таким образом, доказывается существование приставок с разным лексическим содержанием, зависимым от сочетаемости приставки с определенными исходными глаголами.

Как мы уже отметили выше, рецензируемая книга является ценным вкладом в изучение сложной темы префиксации глаголов. Она имеет значение не только для решения теоретических вопросов префиксации, но и для преподавателей-практиков, обучающих русскому языку в условиях внеязыковой среды. Таким образом, предлагаемая вниманию читателя книга может внести весомый вклад в повышение уровня преподавания русского языка как иностранного у нас и за рубежом.

Тибор Мачай

Пржемысл Адамец: Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. УК Прага, 1978, 160 стр.

Монография П. Адамца Образование предложений из пропозиций в современном русском языке представляет собой весьма широкий взгляд на процесс образования предложения, возникающего в результате перевода глубинной структуры предложения (объединение пропозиции и т. наз. спецификаторов) в поверхностную в согласии с грамматическими и фонологическими закономерностями языка.

Адамец исходит в своем анализе из предположения, что в основе каждого данного предложения стоит пропозиция, т. е. конфигурация лексических наименований, взаимосвязанных семантико-синтаксическими отношениями в одно смысловое целое, представляющее собой номинацию какой-нибудь денотативной ситуации in abstracto, т. е. в отвлечении от всех актуализационных моментов (модальности, времени, актуального членения и под.), а также от конкретной поверхностно-грамматической формы. Выбором и присоединением говорящим к пропозиции актуализационных дополнительно-семантических и коммуникативно-функциональных моментов (эти моменты названы спецификаторами) возникает своего рода проект будущего предложения — реализационная база предложения. Эти спецификаторы выбираются в зависимости от конкретного смысла и коммуникативного назначения образуемого предложения, а также в зависимости от некоторых субъективных соображений говорящего. Преобразованием, реализацией этой реализационной базы предложения в согласии с грамматическими и фонологическими закономерностями языка получается реальное, конкретное предложение.

В работе приводятся четыре разряда спецификаторов: 1. спецификаторы вида (совершенный, несовершенный), фазисности (немаркированный фазис, начальный фазис, фазис продолжения, конечный фазис) и времени (настоящее, прошедшее, будущее), 2. спецификаторы разных типов модальности, 3. спецификаторы актуального членения и 4. спецификаторы грамматической презентации. Рассматривается их воздействие на образование предложения. Воздействие спецификаторов времени, вида и фазисности является с синтаксической точки зрения непроблематично. Спецификаторами модальности определяются модальные характеристики образуемого предложения. Спецификаторами грамматической презентации определяется способ языковой стилизации денотативного содержания, в частности выбор поверхностно-семантических ролей для непредикатных компонентов пропозиции и выбор морфологического выражения предиката пропозиции. Грамматическая презентация является отражением как бы угла зрения на данную денотативную ситуацию, способа субъективного восприятия этой ситуации (ср. напр.: *Автор приводит пример* // *Автором приводится пример*). Спецификатор актуального членения выбирается в зависимости от данного контекста и кон- ситуации, и его выбором определяется, какие компоненты пропозиции будут функционировать в образуемом предложении как тема, а какие как рема. В каждой группе спецификаторов считается один примарным, основным. Из приведенных спецификаторов примарными являются спецификатор настоящего времени, несовершенного вида, немаркированного фазиса, из спецификаторов модальности спецификатор простой фактичности (когда содержание пропозиции, по суждению говорящего, полностью совпадает с положением дел в объективной действительности); примарной грамматической презентацией считается такая, при которой первый актант оформляется как подде-

жащее (за исключением бесподлежащих предложений) и предикат реализуется наиболее простой и наименее производной формой, примарным актуальным членением в принципе считается такое, при котором тематизируется первый актант и нет никакой солорематизации.

Вторая глава работы посвящена классификации типов простых пропозиций и образованию из них предложений с примарной грамматической презентацией и модальностью. Дается классификация простых пропозиций по количеству и характеру их компонентов и по семантическому типу денотативных ситуаций, которые они отражают. Однокомпонентные пропозиции содержат только один предикат и отражают ситуации в окружающей природе, из них образуются предложения типа: *Светает, Моросит*. Двухкомпонентные пропозиции состоят из предиката и одного партиципанта и отражают напр. активную деятельность актанта (*Павел встал*), состояние актанта, не зависящее от его воли (*Мне тепло*), существование актанта (*Есть вещи...*) и т. п. Трехкомпонентные пропозиции содержат предикат и два других компонента и отражают денотативные ситуации, как напр. активное воздействие первого актанта на второй актант (*Вера мыла посуду*), эмоциональное или рациональное отношение первого актанта ко второму актанту (*Игорь обожал эту девушку*), наличие актанта в каком-нибудь ограниченном пространстве (*В Суздале есть магазин сувениров*), факт обладания, possession (*У меня есть квартира*) и т. д. Четырехкомпонентные пропозиции состоят из предиката и трех компонентов, они отражают напр. передачу одним лицом какого-нибудь предмета или какой-нибудь информации другому лицу (*Командант выдал ему пропуск*), перемещение каких-то субстанций в какое-то место (*Павел бросает письмо на стол*) и т. п.

В третьей главе рассматривается образование предложений с непримарной грамматической презентацией. У целого ряда пропозиций возможно несколько способов грамматической презентации, напр. *Буря сломала берегу, Бурей сломало берегу, Бурей была сломана берега*. С выбором разной грамматической презентации связаны и некоторые тонкие различия в семантике образуемых предложений, которые как бы наслаиваются на общее инвариантное значение, вытекающее из общности пропозиции. Эти дополнительные оттенки названы в работе термином „презентативное значение“. Следовательно, предложения с разной грамматической презентацией, восходящее к одной и той же пропозиции, имеют и то же денотативное значение, но некоторые различия в значении презентативном. Дается классификация предложений с непримарной грамматической презентацией: 1. Конверсивные предложения, в рамках которых различаются пассивные (*Автором высказывается гипотеза*), демипассивные (*Мне вспомнилась история*), медиальные (*Кабинет наполнился людьми*) и конверсивно-активные (*Я воюющая этими беспорядками*), 2. бесподлежащие (*Бурей сломало берегу, Лене пляшется с эпидемией, Директор согласен с предложением, Сын — помощник матери*). Притом показана разница не только в презентативно-семантическом отношении примарных предложений и соответствующих им непримарных, но и в денотативно-семантическом отношении (*Он работал хорошо . . . Ему работало хорошо*).

В четвертой главе подробнее рассматриваются предложения с непримарной модальностью. Под понятием непримарная модальность понимается целый ряд модальностей, которые объединяет только то, что они выбираются тогда, когда содержание пропозиции не презентуется говорящим как абсолютно совпадающее с положением дел в объективной действительности. Выделяются категории непримарной модальности — обусловленность, побудительность, желательность, вопросительность, негация, вероятность, возможность, или необходимость, допустимость, которые могут взаимно комбинироваться, совместно присутствовать при образовании одного и того же предложения (*Он, наверно, не пошел бы с нами*). Спецификаторы непримарных модальностей в поверхностной структуре манифестируются тремя возможными способами: 1. грамматической формой сказуемого, 2. разными частями, добавляемыми к сказуемому и 3. особыми лексемами с модальным значением (модальными глаголами, предикативами), которые добавочно вводятся в структуру предложения. Модальные спецификаторы имеют иной характер, чем спецификаторы актуального членения и грамматической презентации, которые, в сущности, не имеют влияния на денотативное содержание предложения. Модальные спецификаторы обычно оказывают влияние на денотативное значение возникающего предложения. Предложения с разной модальностью обычно дают информацию о разных денотативных ситуациях в объективной действительности (*Брат работает || Брат не работает*).

Данный метод исследования предложений, разработанный Адамцем, может быть применен не только для моделирования ситгева предложений, но и для анализа готовых предложений. При таком анализе во многих случаях семантические отношения внутри предложения и семантические связи с другими предложениями выявляются более пластично, чем при анализе традиционного типа.

Милена Становска

Blaza Blažev: Употребление конструкций направления и места в современном русском языке, Narodna prosveta, Sofija 1975, 355 str.

Lingvistická literatura si dosud poměrně málo všímá otázek vztahu propozice a lokalizace děje. Bulharský rusista B. Blažev je jedním z těch, kteří se touto problematikou zabývají systematicky již řadu let. Po několika studiích, uveřejněných časopisecky od konce 60. let, vychází nyní jeho monografie, která představuje souhrn dosavadních výzkumů. Autor v ní rozebírá použití staticky a direkčně lokalizačních konstrukcí v současné ruštině, reprezentovaných opozicí lokálu/instrumentálu oproti akuzativu, příp. opozicí adverbii s významem místa a směru.

Není náhodné, že práce tohoto druhu vznikla mimo ruské jazykové prostředí. Podnětem k jejímu vzniku byla nepochybně potřeba objasnit bulharskému čtenáři ruské jazykové jevy, pro které nemá oporu v mateřském jazyce (bulharský tvaroslovný systém nemá formální prostředky, které by odpovídaly uvedeně ruské opozici). Tato problematika je ostatně neméně zajímavá i pro české uživatele ruštiny. Čeština sice v lokalizačních konstrukcích disponuje prakticky týmiž výrazovými prostředky jako ruština, liší se však v jejich distribuci, což si ne vždy dostatečně uvědomujeme. Zatímco v češtině je po směrových slovesech prakticky závazné použití direkčně lokalizační konstrukce, v ruštině se zde velmi často objevuje konstrukce staticky lokalizační, tj. lokál, příp. předložkový instrumentál, sr.: *Vešla do sálu a sedla si do třetí řady. — Она вошла в зал и села в третьем ряду.*

Při zpracování materiálu zvolil autor náročnou a velmi pracnou metodu lingvistického experimentu. Neomezil se totiž jen na vlastní excerpce, ale použitelnost lokalizačních konstrukcí si kromě toho u značného počtu dokladů ověřil dotazníkem, předloženým lingvisticky kvalifikovaným respondentům — ve velké většině šlo o učitele nebo studenty ruštiny na sovětských školách. Takto získal názor na použitelnost zhruba 4000 jednotek, z nichž každá byla předložena k posouzení zpravidla minimálně 10 osobám. Tím by měla být zaručena objektivnost získaných výsledků.

Práci samotnou uvádějí poznámky objasňující metodu výzkumu. Po nich je zařazena pasáž věnovaná některým důležitějším pojmům sémantické analýzy, které souvisejí se zkoumanou problematikou. Následuje pak rozsáhlejší, téměř stostránková teoretická část, věnovaná otázkám použití staticky a direkčně lokalizačních konstrukcí v současné ruštině, v níž autor zobecnil poznatky plynoucí z rozboru materiálu. Pokouší se zde o podchyzení co nejpůlňnějšího repertoáru faktorů, které mohou mít vliv na volbu lokalizační konstrukce, a z nich správně vyčleňuje jako nejdůležitější ty, které jsou spojeny s denotativní stránkou výpovědi. Naproti tomu je v ruštině podoba lokalizační konstrukce méně závislá na významu slovesa, než je tomu v některých jiných jazycích (např. i v češtině). Autor proto hledá východisko k rozlišení statické a direkční lokalizace mimo význam slovesa a nalézá je v dalším členění lokalizace na obecnou (общезначное, общенаправительное значение) a konkretizovanou (конкретнозначное, конкретнонаправительное значение). Toto dělení mu pomáhá stanovit jako závazné faktory určující volbu lokalizační konstrukce členitelnost místa, v němž probíhá děj, i děje samotného a spolu s tím i velikost (prostornost) lokality. Rozčleněnost děje např. umožňuje použití staticky lokalizační konstrukce ve výpovědích typu *Самолет приземлился на лужайке*, kde mluvčí má na mysli pouze koenečnou fázi děje; členitost místa a děje zároveň pak vystupuje do popředí ve výpovědích jako *Он расставил горшки на подоконнике*. V těch případech, kdy další členění není možné, je na místě použít direkčně lokalizační konstrukce. Ve vyhraněné podobě to autor dokumentuje na dokladu *Я повесил портрет на тонкий гвоздь*, kde je další členění předmětu vyloučeno vzhledem k nepatrným rozměrům předmětu. V mnoha případech ovšem